

С. В. ТРОИЦКИЙ,
профессор церковного права
Московской Духовной Академии

АФОН И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Профессор Сергей Викторович Троицкий является общепризнанным канонистом. Изучению канонического права он отдал более 60 лет своей жизни. Его имя как крупного и авторитетного специалиста по вопросам церковного права хорошо известно в широких кругах церковной и научной общественности. Неустомимый труженик-канонист, глубоко преданный Святой Православной Церкви, С. В. Троицкий всегда являлся идейным защитником Православия и охранителем священных канонов – этой ограды Православия. И вся жизнь С. В. Троицкого, по словам профессора Московской Духовной академии А. И. Георгиевского и покойного доцента (впоследствии профессора) той же академии В. И. Талызина, – это подвиг и пример служения Святой Матери-Церкви и богословской науке.

Родился Сергей Викторович 14 (26) марта 1878 года в городе Томске. Религиозное воспитание он получил от своих православных родителей. Отец его, Виктор Ильич, был преподавателем Томской Духовной семинарии. В 1891 году С. В. Троицкий окончил духовное училище, а в 1897 году – Тверскую Духовную семинарию. Затем, в 1900 году, он закончил С.-Петербургский археологический институт со званием действительного члена института и, кроме того, в 1901 году – С.-Петербургскую Духовную академию со степенью кандидата богословия и с правом защиты степени магистра без новых устных испытаний. Ученую степень магистра С. В. Троицкий получил 27 мая 1913 года после защиты диссертации «Вторображие клириков. Историко-каноническое исследование». Защита проходила в Киевской Духовной академии, о чем свидетельствует диплом С. В. Троицкого, который 2 апреля 1924 года Советом Белградского университета был принят как докторский. Совет Московской Духовной академии 29 декабря 1961 года, отмечая большие заслуги С. В. Троицкого перед богословской наукой, также удостоил его докторской степени. Такова вкратце ученая биография этого выдающегося канониста.

Что касается практической деятельности профессора С. В. Троицкого, то она была очень разнообразной. С 1 сентября 1901 года он работал классным надзирателем при С.-Петербургском Александро-Невском Духовном училище. Здесь же до 12 мая 1915 года он в разное время был преподавателем русского, церковнославянского и латинского языков. 29 сентября 1906 года С. В. Троицкий был числен к канцелярии обер-прокурора Святейшего Синода с назначением членом редакции «Церковных ведомостей», а в 1917 году, во время Поместного Собора Русской Церкви, – помощником редактора этого журнала.

В 1909 году С. В. Троицкий был назначен членом Комиссии при Учебном

* Сведения о жизни С. В. Троицкого заимствованы из статьи архимандрита Ириней (Середнего) «Профессор С. В. Троицкий. Его жизнь и труды в области канонического права», опубликованной в БТ № 12, с. 217 – 224.

комитете Святейшего Синода по древним языкам. В 1910 году он участвовал в Совещании по вопросу об организации Русской Церкви за границей, а затем был командирован с научной целью в Болгарию, Сербию и на Афон. В 1912 году С. В. Троицкий был назначен членом Издательской комиссии Училищного совета и послан в Германию для изучения издательского дела в Католической Церкви. Затем, 16 мая 1913 года, он был командирован на Афон по делу имябожников, а 18 февраля 1914 года – в Москву для представления Синодальной конторе сведений по этому делу. В 1913 году С. В. Троицкий состоял также членом и делопроизводителем Издательского совета при Святейшем Синоде, а в 1915 году – чиновником особых поручений при оберпрокуроре Святейшего Синода. В 1917 – 1918 гг. вместе с профессором В. Н. Бенешевичем он принимал активное участие в работе Московского Собора и, кроме того, в 1918 году был начальником кодификационного отдела канцелярии Собора Русской Церкви в Киеве. В 1919 – 1920 гг. он работал приват-доцентом Новороссийского университета по кафедре церковной истории.

25 января 1920 года С. В. Троицкий эмигрировал в Югославию, где с 24 апреля 1920 года был гонорарным, с 30 декабря 1922 года – экстраординарным и с 26 февраля 1929 года – ординарным профессором юридического факультета Белградского университета по кафедре церковного права и одновременно в 1937 – 1943 гг. – гонорарным профессором богословского факультета в Белграде по той же кафедре.

3 декабря 1925 года Архиерейским Собором Сербской Православной Церкви С. В. Троицкий был избран экспертом по каноническим вопросам и в этой должности принимал участие в составлении проекта закона о Сербской Православной Церкви, ее Устава и брачных правил, а также в защите ее от попытки Константинопольской Церкви подчинить себе епархии и приходы Сербской Церкви за пределами Югославии.

18 октября 1937 года Министерство просвещения Югославии назначило его членом-заместителем Комиссии по проведению экзаменов на звание профессора, а в 1938 году он был членом Конференции представителей университетов Югославии по составлению устава юридических факультетов. 22 февраля 1941 года Министерством юстиции он назначается членом Комиссии по составлению проекта закона о смешанных браках.

Начиная с 1948 года С. В. Троицкий работал в качестве сотрудника Сербской Академии наук, в изданиях которой вышло несколько его научных работ. Затем, 21 октября 1951 года, он был избран членом Комиссии Академии по изданию Кормчей святого Саввы, а 24 июня 1952 года – и секретарем этой Комиссии; с 5 декабря 1953 года он – член Комиссии по изданию источников сербского права XIX века.

Вне Югославии профессор С. В. Троицкий в 1928 – 1930 гг. преподавал церковное право в Русском Богословском институте в Париже и прекратил связь с институтом, когда тот перешел в юрисдикцию Константинопольской Патриархии. В апреле и мае 1929 года в качестве эксперта по каноническим вопросам С. В. Троицкий защищал в судах США имущество более 100 приходов Русской Православной Церкви от посягательств митрополита «живой церкви» Кедровского.

В 1947 – 1948 гг. С. В. Троицкий работал профессором по кафедре церковного права в Московской Духовной академии и в эти же годы активно со-

трудничал с Отделом внешних церковных сношений Московской Патриархии, а в 1949 году выехал в Югославию.

В июле – августе 1956 года по поручению Сербской Академии наук профессор С. В. Троицкий изучал в Государственной библиотеке СССР (ныне Российская Государственная библиотека), в Государственном Историческом музее и в Санкт-Петербургской публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина рукописи Кормчей, о чем представил доклад, опубликованный в «Гласнике» Академии за 1957 год.

В мае 1958 года, по приглашению Московской Патриархии, С. В. Троицкий был в Москве и Загорске (ныне Сергиев Посад), где в это время праздновалось столетие восстановления Патриаршества в Русской Церкви, и работал в Российской Государственной библиотеке (по рукописям Устюжской, Иоасафовской и Троицкой), в Историческом музее (по рукописям Ефремовской и Уваровской Кормчих), а также в редакции «Журнала Московской Патриархии».

Осенью 1961 года, по приглашению председателя Отдела внешних церковных сношений Московской Патриархии Никодима, митрополита Ленинградского и Новгородского (†1978), в связи с Родосской конференцией, профессор С. В. Троицкий вновь побывал в Москве, Сергиевом Посаде, Санкт-Петербурге и работал в редакции «Журнала Московской Патриархии». В последние годы жизни он не переставал интересоваться вопросами каноники. Об этом убедительно говорят его последние научные работы.

Скончался С. В. Троицкий 27 ноября 1972 года, на 95-м году жизни, в Белграде.

Статья С.В. Троицкого «Афон и международное право» написана по просьбе священноначалия Русской Православной Церкви в 1947 году. На совещании Глав и представителей Автокефальных Православных Церквей в связи с празднованием 500-летия автокефалии Русской Православной Церкви (5/18 июля 1948 года) была создана Комиссия по докладам о положении Святой Горы Афонской. Доклад С.В. Троицкого был основополагающим по данной теме, и под его руководством Комиссия приняла следующую резолюцию:

“Московское Совещание считает своим долгом привлечь внимание Святейших и Блаженнейших Предстоятелей всех Автокефальных Православных Церквей к судьбе афонского монашества в настоящее время, и в особенности на трудное положение монахов негреческой национальности: русских, болгарских, сербских, румынских, грузинских, албанских и других, от древности имеющих там свои обители, но лишенных в данное время тех прав, которыми они пользовались до недавнего времени в силу канонических и международных законодательных подложений о Святой Горе Афонской, например право свободного вступления в свои имеющиеся там обители, право свободного допуска паломников и ученых-исследователей и т.д.

Поэтому Совещание просит всех православных Предстоятелей обратиться к своим правительствам за содействием об улучшении положения афонских монахов негреческой национальности путем переговоров с правительством Греции”. Далее Совещание, опираясь на международные договоры и в силу освященной правами традиции, заявило о необходимости восстановить и гарантировать права афонского монашества (Деяния Совещания..., том II, с. 358-359).

В наше время вопрос о международном правовом положении Афона и его внутреннем каноническом устройстве освещал архимандрит Иннокентий (Провсирнин) в своей работе «Афон и Русская Церковь» (ЖМП № 3-6 за 1974 год).

Теперь, когда после окончания Второй мировой войны существенно изменится политическое устройство мира, среди очередных вопросов, подлежащих решению в международных инстанциях, стоит и вопрос о международном положении Афона. Этот небольшой узкий горный полуостров, врезавшийся в Эгейское море, не имеет большого экономического значения, но имеет великое духовное значение для всего православного мира – не только для греков, но и для славян, румын и грузин, и потому необходимо принять меры, чтобы его международное положение было урегулировано сообразно принципам международной правды и нормам евангельской жизни.

Тогда как Католическая Церковь стремится к административному единству, Православная Церковь стремится к единству духовному; и как Рим является административным центром католического мира, так и Афон уже в течение тысячелетия служит духовным центром всего Православия, объединяющим все православные народности. Идейное значение Афона состоит в том, что он стоит выше всякой земной политики, и православные какого бы то ни было государства, какой бы то ни было национальности имеют право проживать в этой всеправославной святыне и молить Бога о благосостоянии всего православного мира. Эта великая идея, фактически осуществленная историей Святой Горы, была неоднократно формулирована и во многих древних актах. В золотой булле болгарского царя Иоанна Александра 1342 года заявляется, что монастыри построены на Святой Горе для того, чтобы «помянуть... всяк род христианскы. Ибо не от единого рода точию или от двою обретаются в том святем месте здателе, но понеже общее спасение в нем есть искающим е, обще бо бысть и место благовольствующим. Того ради и обретаются здания от всякого рода и языка православнаго, еже суть первее и изряднейше Греци, Българе, потом же Срѣбе, Роусси, Ивере, всек же иматъ память противу своему потроуждению, паче же рвению»¹.

А полтора столетия ранее, святой Савва Сербский, повествуя о смерти своего отца Стефана Немани (в монашестве Симеона) на Афоне, свидетельствует, что уже тогда там жили представители всех православных народностей: «Мнози языци тогда придоше поклонити се ему... прѣво Греци, потомъ Иверие таже Роуси, по Роусех Българе, потомъ паку мы (сербы), егово стадо совокоупленное»².

В частности, о исконном и крупном значении русских поселений на Афоне хорошее понятие дает работа профессора А. В. Соловьева: «История русского монашества на Афоне»³.

Не забыта была эта идея и в новое время. На Лондонской Мирной Конференции 1913 года она легла в основу русского проекта о превращении Афона в независимую монашескую республику под протекторатом православных государств. Влияние этой идеи сказывается и в постановлениях относительно Афона: мирных договоров – Берлинского 1878 года, Севрского 1920 года и Лозаннского 1923 года. К сожалению, эту великую идею Афона как духовного центра всего Православия, которую уважали и сами греки старого времени, которую принимала во внимание и мусульманская Турция и с которой считались даже неправославные политики нового времени, не хотят понять светские и церковные греческие политики нашего времени и стремятся превратить Святую Гору в обычный клочок греческой территории, вытеснив оттуда всех насельников негреческой национальности.

Тенденция эллинизации Афона проявлялась еще до его включения в состав

Греции, и его устройство не отвечало ни идее христианского братства и равенства, ни численному составу представленных там национальностей.

На Афоне до нашего времени сохранилось средневековое феодальное устройство, при котором роль феодалов играли греки, тогда как славяне и другие монахи негреческой национальности занимали положение вассалов. Кроме двадцати монастырей на Афоне существуют многочисленные скиты и келлии, в большинстве населенные славянами. Только русских скитов до Второй мировой войны на Афоне было 5 и, кроме того, 66 келлий. В действительности эти скиты и келлии по количеству своих насельников были настоящими монастырями, иногда с большим числом монахов, чем греческие монастыри, а между тем их правовое положение было совсем иное. Вся территория Афона поделена между двадцатью монастырями, и центральное управление Афона – Протат, своего рода парламент, и Еписпасию – правительство Афона составляют исключительно представители монастырей, тогда как ни скиты, ни келлии не имеют ни своей земли, ни своих представителей в центральном управлении Афона и всецело подчинены монастырям, на территории которых находятся. Из 20 монастырей громадное большинство – 17 принадлежат грекам, тогда как три славянские народности – сербы, болгары и русские имеют только по одному монастырю. Грузины, занимавшие в XII веке второе место на Афоне, в XIV веке были низведены на пятое, а в XIX веке были и совсем вытеснены с Афона. Их древний монастырь Ивер был у них отнят, а 40 монахов-грузин были приняты в русскую келлию святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова, а затем и совсем изгнаны с Афона греками. Не имеют своего монастыря и румыны. А так как центральное управление Афона состоит из представителей монастырей в одинаковом числе от каждого, то подавляющее большинство голосов в этом управлении всегда принадлежит грекам и полная гегемония им обеспечена. Кроме того, в диптихе монастырей славянские монастыри занимают дальние места: сербский Хилендар – четвертое, болгарский Зограф – девятое, а самый многочисленный по своему населению – русский монастырь святого Пантелеимона⁴ – предпоследнее девятнадцатое место. Так как председателем Еписпасии может быть только представитель одного из пяти первых по списку монастырей, то, значит, честь эта никогда не может выпасть на долю ни представителя болгарского, ни представителя русского монастыря.

Пока Афон принадлежал Турции, три фактора в значительной мере облегчали тяжелое положение негреческого населения Афона. Такими факторами были: 1) дипломатическая защита со стороны христианских государств, 2) автономия монастырей и 3) значительные доходы, которые греческие монастыри имели от богомольцев других национальностей и от имений в негреческих православных государствах.

1) Дипломатия христианских государств считала своего обязанностью защиту христианского населения в мусульманской Турции, а что касается Афона, она имела и формальное основание для вмешательства в его положение и для защиты его негреческого населения не только от турецкой власти, но и от греческого большинства на самом Афоне. Статья 62 Берлинского договора от 13 июля 1878 года гласит:

«Монахи Афонской Горы, какова бы ни была страна их происхождения, сохраняют свои владения и прежние привилегии и будут пользоваться, без всякого исключения, полным равенством прав и прерогатив».

Таким образом, эта статья поставила под международную защиту полное

равноправие национальностей на Афоне и этим создала правовое основание для православных негреческих государств защищать права и интересы своих граждан и единоплеменников на Афоне, тем более что многие из этих единоплеменников, вопреки турецкому закону, не меняли своего подданства. И русская дипломатия широко пользовалась этим своим правом.

2) Мы уже видели, что в центральном управлении Афона подавляющее большинство голосов принадлежало грекам. Но в эпоху турецкой власти над Афоном славянские монастыри имели свои уставы, которые давали им широкую автономию, благодаря чему в компетенцию центрального управления были включены лишь немногие важнейшие дела, а во всем остальном славянские монастыри были вполне свободны, так что в них греческая гегемония ощущалась лишь в редких случаях. Для примера можем сослаться на составленный еще святым Саввой Сербским Устав, которым пользовался Хилендар. Но, конечно, в славянских скитах и келлиях греческая гегемония ощущалась гораздо больше.

3) Наконец, значительные доходы, поступающие в греческие монастыри Афона от земельных владений и подворий в негреческих государствах, главным образом в России, и от негреческих паломников, опять-таки в большинстве русских, побуждали их сохранять добрые отношения с негреческим населением Афона.

Все это изменилось, когда Афон вошел в состав Греции. В 1912 году Греция оккупировала Афон, оккупировала без боя, так как турецких войск на Афоне не было. Русское правительство не считалось с этой оккупацией, и русские насельники Афона в гражданском отношении подчинялись лишь Русскому Посольству в Константинополе. Когда летом 1913 года греческий отряд занял русский монастырь святого Пантелеимона, Русское Правительство потребовало удаления отряда, и это требование было исполнено. Точно так же, когда греки захватили пароход, принадлежавший монастырю святого Пантелеимона, чтобы на нем вывезти болгарских военнопленных из Зографа в Грецию, находившиеся на Афоне представители Русского Посольства в Константинополе потребовали возвращения парохода, и греки опять уступили и перевезли пленных болгар на парусниках.

В том же 1913 году вопрос о политическом положении Афона был поднят на Лондонской Мирной Конференции. На этой Конференции Россия выступила со своим проектом, по которому Афон должен быть независимой монашеской республикой под общим протекторатом или кондоминиумом государств, в которых большинство населения принадлежит к Православной Церкви. Проект этот был принят на рассмотрение Конференцией, и сообразно с этим пятая статья Лондонского договора от 30 мая 1913 года гласит:

«Его Величество Царь Оттоманов и Их Величества Государи-союзники заявляют, что они уполномочивают Его Величество Императора Германии, Его Величество Императора Австрии, Господина Президента Французской Республики, Его Величество Короля Великобритании, Его Величество Короля Италии и Его Величество Императора России, чтобы они определили положение всех турецких островов на Эгейском море и полуострова Афона, кроме острова Крита».

Таким образом, балканские государства передали решение судьбы Афона на усмотрение шести великих держав, чтобы они определили эту судьбу согласно с предложением Русского Правительства. Русский проект вызвал большое недовольство греческих монахов на Афоне, и они начали против него ожесто-

ченную агитацию. Они послали великим державам несколько меморандумов и телеграмм против проекта, которые были напечатаны в некоторых журналах, посвященных международному праву. Например, в одном меморандуме говорится, что светские лица не имеют права решать судьбу Афона, что Афон уже три тысячи лет является достоянием греческого народа и что он и теперь хочет сохранить свой греческий характер. В телеграмме от 11 февраля 1913 года заявляется от имени 17 греческих монастырей, что предложенная реформа будто бы противна канонам (которые, кстати сказать, были изданы еще до того времени, как на Афоне появились монастыри и нигде не упоминают об Афоне), что она противна и Афонскому уставу, который уважали даже турки, что она несогласна с хризовулами византийских императоров и т. д. Таким образом греки выдавали себя за защитников свободы Афона, а в действительности именно русский проект давал свободу Афону, тогда как греки стремились к полному подчинению Афона греческой власти.

К сожалению, этого не поняли негреческие насельники Афона и не оказали надлежащей поддержки русскому проекту. Только русские келлиоты послали хорошо обоснованный меморандум против греческих притязаний. На этот меморандум греческие монахи 8 сентября 1913 года ответили своим меморандумом. В нем греки пишут, что келлиоты по каноническому праву не имеют права посылать меморандум и за свой меморандум должны быть наказаны отлучением и лишением сана. Конечно, такой аргумент можно употребить только в расчете на «святое неведение» дипломатов в области канонического права. Далее греческие монахи пишут, что Афон был оккупирован героическим греческим войском 12 ноября 1912 года, как будто оккупация есть аннексия. Кондоминиум держав на Афоне нарушает, по мнению греческих монахов, суверенитет Греции, тогда как на самом деле вопрос именно в том и состоял, должна ли Греция получить суверенитет над Афоном. Кроме того, говорится в меморандуме, кондоминиум нарушает права других великих держав, например, Австрии, Англии и Турции, которые также имеют на Афоне своих подданных, как будто эти державы нуждаются в помощи греческих монахов для защиты своих прав. Говорится далее в меморандуме, что представители держав в кондоминиуме будут вести между собою борьбу (из-за чего?), что греческие монахи не могут признать над собою власть менее либеральных и прогрессивных государств, чем Греция (а власть Турции признавали!), что невозможно изменять Афонский устав, существующий уже две тысячи лет. Заметим, что на самом деле Афонский устав, действовавший в 1913 году, не имел и двухсотлетней давности и что как раз сами греки заменили его в 1927 году новым уставом. В конце этого лживого меморандума заявляется, что единственное спасение для Афона – это аннексия его Грецией, что подтверждается и фантастическими статистическими данными.

Между тем славянские монастыри на Афоне ничего не предпринимали против агитации греков, а представители славянских монастырей Зографа и Пантелеимона даже выступали в Киноте в июле 1913 года против русских келлиотов. Кроме того, как русские монахи, так и русская дипломатия были отчасти связаны борьбой против особенно сильной в это время имябожнической смуты, и греческая агитация имела успех. 26 августа 1913 года великие державы заявили на Бухарестской конференции, что они не преследуют на Афоне никаких особенных интересов, и в пятой статье Бухарестского договора сказано, что новая пограничная линия между Болгарией и Грецией пойдет от новой

сербско-болгарской границы по гребню горы Белячице и выйдет к устью реки Месте в Эгейское море, чем Афон был молчаливо включен в состав Греции.

Первая мировая война заставила заинтересованные государства на некоторое время забыть об Афоне, но лишь только началась ликвидация последствий войны и поднят вопрос о новом политическом устройстве Европы, был решен и вопрос об Афоне. Специально об Афоне говорит конвенция о народных меньшинствах, добавленная к Севрскому договору от 10 августа 1920 года. Договор этот не был ратифицирован, но его постановления о народных меньшинствах и, в частности, об Афоне вошли в состав Лозаннского мирного договора от 24 июля 1923 года, который был зарегистрирован Лигой Наций 5 сентября 1924 года под № 701 и взят под ее гарантию 26 сентября того же года⁵ и таким образом сделался безусловно обязательным для Греции.

Тринадцатая статья Лозаннского договора гласит:

«Греция обязуется признавать и сохранять традиционные права и свободы, которыми пользуются негреческие монашеские общины горы Афона сообразно предписаниям 62 статьи Берлинского договора от 13 июля 1878 года».

Текст этой 62 статьи был приведен нами ранее.

Помимо того на основании общих определений Лозаннского договора о народных меньшинствах негреческое население Афона, как меньшинство по языку и национальности, получило право пользоваться всеми постановлениями о защите таких меньшинств, которые были включены в этот договор.

Наконец, хотя негреческие насельники Афона принадлежали к тому же вероисповеданию, как и греческие, однако они получили право пользоваться постановлениями договора и относительно меньшинств по вере, так как Православная Церковь, в отличие от Католической, не имеет административного единства и на одной и той же территории возможно существование нескольких православных церковных организаций, подчиненных разным автокефальным Церквям.

Все эти определения Лозаннского договора были безусловно обязательны для Греции не только в силу общего принципа, по которому постановления международных договоров имеют большую силу, чем внутренние законы известного государства, но и на основании первой статьи Лозаннского договора, гласящей:

«Греция обязуется признавать постановления статей от 2 до 8 (о меньшинствах) этой главы как основной закон, так что никакой закон, никакие правила, никакой официальный акт не могут быть в противоречии или в несогласии с этими постановлениями».

Казалось бы, что после Первой мировой войны негреческое население Афона получило на почве международного права более действенную защиту, чем оно имело до войны, но на самом деле оно получило лишь право на такую защиту, которым оно могло воспользоваться лишь в очень малом объеме. Пока Афон входил в состав Турции, великие державы имели два мотива для вмешательства в афонские дела – защиту христианского населения от мусульманской власти и защиту своих подданных от иностранной власти. Но лишь только Афон перешел под власть христианского государства – Греции, первый мотив потерял свое значение сам по себе, а второй – на основании греческих законов, так как не только новый, изданный в 1926 году Устав Афона, но и самая Конституция Греции (ст. 109) говорят, что на Афоне могут жить только греческие подданные. Еще большее значение здесь имело отделение Церкви от государства и вообще новое направление иностранной политики Советской России,

склонной игнорировать религиозные интересы своих граждан. В этом отношении интересна большая статья об Афоне, помещенная в греческом Энциклопедическом Лексиконе⁶. Здесь подробно говорится о русских мероприятиях, принятых с целью русификации Афона, особенно после основания в 1884 году «панславистского» Палестинского Общества, которое будто бы стремилось к увеличению численности русских монахов на Афоне «на мириады» и к полному захвату «святого полуострова». Против этих русских планов боролась Вселенская Патриархия и Турецкое правительство, которое в конце концов уразумело, насколько неудобно было бы для него превращение этого священного места в колоссальную русскую крепость – и это при вратах Дарданелл. Но, с торжеством заявляет статья, Балканские войны и, главным образом, последний великий коренной переворот в России окончательно отклонили опасность обрусения Афона⁷.

Но если великие державы потеряли интерес к Афону и предоставили грекам делать на Афоне все, что хотят, то удельный вес малых государств с православным населением был слишком незначителен, чтобы помешать осуществлению греческих планов, направленных к полной эллинизации Афона. Наконец, и само негреческое население Афона не имело достаточно знания, энергии и единства, чтобы в полной мере использовать международные факторы для защиты своих прав. Благодаря всему этому Греция получила возможность рассматривать Лозаннский договор как «ключок бумаги» и предпринять против негреческого населения Афона целый ряд законодательных и административных актов, явно противоречащих определениям Лозаннского договора. Важнейшим таким актом является издание в 1926 году нового Устава Афона, заменившего действовавший до того времени Устав 1806 года. Новый Устав, состоящий из 188 статей, был подтвержден государственным законом от 10 сентября 1926 года, состоящим из 44 статей, и опубликован в правительственном журнале «Εφημερίς Κυβερνησεως» № 309⁸. Как и в вопросе о русском проекте 1913 года, так и в вопросе о новом Уставе греки искусно создали несогласие между славянскими монахами. После Первой мировой войны они начали притеснять только тех славянских монахов, которые не могли найти защиту в своем государстве, т. е. русских монахов, положение которых сделалось очень тяжелым, но они сочли нецелесообразным возбуждать преждевременно те славянские монастыри, которые могли рассчитывать на защиту своей дипломатии – Хилендар и Зограф и которые могли помешать введению нового Устава.

Этот хорошо задуманный план был успешно выполнен. Очарованные любовью греков, представители Хилендаря и Зографа на чрезвычайном собрании Кинота в двойном составе 10 мая 1924 года не сочли нужным ни внимательно изучить проект, ни рассмотреть право Греции издавать Устав, несогласный с Севрским договором, и легкомысленно дали свое согласие на новый Устав. Среди подписей под Уставом видим на четвертом месте сербские подписи представителей Хилендаря – иеродиакона Анфима и проигумена Онуфрия, а на девятом месте – болгарскую подпись представителя Зографа иеромонаха Василия. Не обратили должного внимания на Устав ни церковные, ни государственные власти в Югославии и Болгарии, только Русский монастырь святого Пантелеимона, хорошо понявший опасность нового Устава, несмотря на все угрозы, не дал своего согласия на него, и под подписями Устава находим маленькое примечание: «Оба представителя Русского монастыря не присутствова-

ли». Впрочем, в отдельном издании Устава это примечание выпущено. Предпринимали русские монахи и другие меры против признания нового Устава, просили о защите и другие Церкви, но, успокоенные любезностью греков, они не хотели видеть роковых последствий Устава для славянских монастырей и его противоречия Лозаннскому договору. А между тем новый Устав лишил славян на Афоне многих прав, обеспеченных им этим договором, в том числе и монастырской автономии.

Как мы видели, 13 статья Лозаннского договора провозглашает принцип полной равноправности монахов всех национальностей, говоря, что «монахи Афонской горы, какова бы ни была страна их происхождения,... будут пользоваться, без всякого исключения, полным равенством прав и прерогатив». А другие статьи договора применяют этот принцип к вопросам о языке, печати и школе. Так, седьмая статья в четвертом параграфе говорит: «Не будет предписано никакого ограничения против свободы употребления какого бы то ни было языка... как в религии, периодической печати и в изданиях всякого рода, так и на публичных собраниях». Пятый параграф той же статьи добавляет, что «меньшинства могут в судах пользоваться своим языком как устно, так и письменно...» Восьмая статья говорит: «Греческие подданные, составляющие меньшинства по национальности, вере или языку, могут на свои средства основывать, управлять и контролировать благотворительные, религиозные и социальные учреждения, школы и другие воспитательные заведения с правом свободно пользоваться здесь своим языком».

Между тем, по новому Уставу на Афоне может существовать только типография, основанная Кинотом, в котором, как мы видели, греки составляют подавляющее большинство. И действительно, на Афоне существует только греческая типография. Эта типография содержится на средства, которые посылают центральному правлению Афона все монастыри, в том числе и славянские, причем, размер взносов (обязательных) определяет совет предстоятелей всех монастырей – Синаксист, в котором опять-таки греки составляют подавляющее большинство (см. Устав: ст. 180 и 36). Точно также все монастыри обязаны содержать греческую монашескую школу на Афоне и ежегодно посылать туда по меньшей мере по два ученика, причем абсолютно запрещено отсылать монахов и послушников для образования вне Афона, пока они не окончат греческую афонскую школу (ст. 182). Только эта греческая школа имеет право подготавливать кандидатов для занятия должности игумена и других монастырских должностей (ст. 112). Как в судах, так и во всех других афонских официальных учреждениях официальным языком служит только греческий язык (ст. 26).

Лозаннский договор, возобновляя 62 статью договора Берлинского, дает славянским монастырям право на сохранение их «прежних привилегий». Важнейшей из этих привилегий была их автономия, обеспеченная им их особыми древними уставами, или канонизмами, и типиками. Но новый Устав отменяет эти типики и тем лишает славянские монастыри их прежних привилегий. Правда, последняя статья Устава говорит, что «вытекает из императорских хризовул и типиков, патриарших синделий, фирманов султанов, общих канонизмов и древних монашеских постановлений и предписаний». Но это совсем не значит, что эти прежние определения имеют теперь силу, а значит лишь то, что новый Устав заменяет собою и отменяет их все. Это ясно видно и из предшествующей 187 статьи, гласящей: «Никакое постановление, противоречащее этому Уставу,

не может действовать на Святой Горе». Не составляют исключения и типики монастырей. «Священные монастыри, – говорит девятая статья Устава, – автономны и управляются согласно их канонизму, который составляют они, а утверждает Кинот, который ведет надзор над его выполнением и применением с тем, что этот канонизм не может противоречить постановлениям этого Устава». Таким образом, и в вопросах, не предусмотренных в новом Уставе, монастыри не имеют права руководствоваться своими старыми типиками, а должны составить новые, согласные с Уставом и получающие силу только с одобрения Кинота, который ведет надзор и за применением этих новых канонизмов. Другими словами, все внутреннее устройство Афона, поскольку оно не урегулировано новым Уставом, зависит от Кинота, то есть от греков.

Конкретной иллюстрацией такого тяжелого положения славянских монастырей может служить печальная история попытки Сербской Церкви восстановить в Хилендаре древний Типик, составленный для этого сербского монастыря его основателем святым Саввой. Типик этот был незаконно отменен в 1870 году, когда предусмотренное в нем общежительное устройство было заменено идиоритмическим. Хотя право Хилендаря руководствоваться Уставом своего основателя было его древней привилегией, неприкосновенной в силу Лозаннского договора, хотя основатель монастыря под угрозой проклятия запретил нарушение Типика, хотя и сам новый Устав (ст. 85) благосклоннее относился к общежительному строю, чем к строю идиоритмическому, хотя братство Хилендаря на собрании 22 декабря 1932 года почти единогласно высказалось за восстановление Типика, хотя, наконец, на этом настаивала и Сербская Церковь и дипломатия Югославии, попытка эта не удалась. Охридский епископ Николай, приехавший на Афон по поручению Сербской Патриархии для восстановления Типика, был позорно изгнан с Афона, а Хилендар был лишен права иметь своих представителей в Киноте и Епископии, пока не откажется от Типика своего основателя, что он и вынужден был сделать.

Отменив старые Типики, дававшие автономию славянским монастырям, новый Устав почти во всем подчинил их гегемонии греческого Кинота. 10 статья Устава говорит: «Всякое постановление священного Кинота обязательно для монастырей... Представители отдельных монастырей не могут не соглашаться с волей большинства». Статья 22 говорит, что «никакой представитель монастыря ни под каким предлогом не может отказаться от подписи протокола заседания». Всякий отказ от подписи влечет за собой последствия, предусмотренные в ст. 19, которая требует смены непослушного представителя, а если монастырь этого не делает, Кинот лишает монастырь представительства на время от 3 до 6 месяцев. Против постановлений Кинота апелляция возможна только к Синаксису, то есть к собранию всех игуменов (ст. 45), решения которого окончательны. Но и в Синаксисе греки располагают таким же подавляющим большинством, как и в Киноте.

Увеличивая значение Кинота, Устав в то же время сильно ограничивает власть управления монастырей. Прежде всего этой власти Устав дает такую организацию, что она не имеет единства и большого авторитета, а потому и не может защищать монастырские интересы от притязаний Кинота. Тогда как раньше в славянских монастырях по их Типикам почти вся власть принадлежала игумену, а монастырские старцы (геронтия) были только его советники, новый Устав провозглашает принцип: «Ни под каким видом не допускается сосредоточение власти в руках игумена» (ст. 121) и подчиняет игумена геронтии и

епитропии, то есть двум-трем избранным геронтией помощникам игумена (ст. 119). Геронтия вместе с братством может отрешить от должности и сменить игумена (ст. 115), тогда как игумен не имеет права влиять на выбор членов монастырского управления (ст. 108) и без епитропии не может совершить ни одного акта по управлению монастырем (ст. 119 и 120), в частности, не может изгнать из монастыря непослушных и недостойных монахов (ст. 72–75). При таком положении неизбежны недоразумения между игуменом, с одной стороны, и геронтией и епитропией – с другой, а разрешает эти недоразумения опять-таки Кинот. Если на соборе монастырского братства геронтия останется в меньшинстве, вопрос решает Кинот (ст. 121). Избрание игумена недействительно без его интронизации, которую совершает Кинот, который в случае протеста может аннулировать избрание игумена, причем, апелляция на такое постановление Кинота не дозволена (ст. 114). Таким образом, власть игумена представляется совершенно ничтожной по сравнению с властью Кинота.

Ограничена Кинотом не только власть игумена, но и вообще всех органов монастырского самоуправления. Без Кинота монастырь не может дать разрешения своему монаху выехать с Афона (ст. 96), не может разрешить какому-либо ученому познакомиться с монастырской библиотекой, для чего, помимо разрешения Кинота, требуется еще письменная рекомендация греческого Министерства Иностранных Дел или Вселенского Патриарха (ст. 185). В духовных вопросах Афон подчинен суду Вселенского Патриарха, но монастыри могут сноситься с Патриархом только через посредство Кинота (ст. 43).

Здесь бросается в глаза одна аномалия. Как мы видели, новый Устав запрещает лицам, не имеющим греческого подданства, жить на Афоне, а вместе с тем подчиняет Афон Константинопольскому патриарху – турецкому подданному.

Чтобы помешать объединению славянских монахов в защиту своих прав, Устав запрещает всякие общества и братства на Афоне (ст. 183), а также и всякую пропаганду национального характера (ст. 184).

Таким образом, новый Устав лишил славянских монахов на Афоне не только равенства прав и прерогатив с греческими монахами, но и их прежних привилегий, хотя и то и другое было гарантировано им Лозаннским договором. А несколько лет спустя после издания Устава славянские монахи лишились и третьего права, гарантированного им этим договором, – неприкосновенности своих земельных владений, хотя эта неприкосновенность была подтверждена и самим новым афонским Уставом (ст. 181). Игнорируя Лозаннский договор, Греция издала закон об аграрной реформе и на основании этого закона отняла от афонских монастырей почти все их метохы, то есть находящиеся вне Афона земельные владения, которые служили главным источником их содержания. Например, в 1932 году Греция отняла от Хилендаря его метохы – Кумичский, Каламарийский, Папастат, Фурку, Превлаку и вообще все монастырские владения вне Афона, кроме Горы Каково – всего около 6000 гектаров и распределила их между беженцами из Турции. Правительство Югославии просило вернуть Хилендарю хотя бы Кумичский метох, но получила ответ, что Греция не может это сделать, так как 119 статья ее Конституции освобождает от экспроприации только владения менее 300 стремов, то есть 30 гектаров. Оценка земли была слишком низка и монастыри получили некоторое вознаграждение только после вмешательства Лиги Наций. Особенно много пострадали при этом Пантелеимон и Зограф.

Вместе с тем вследствие политических событий в России почти прекратился другой важный источник содержания монастырей – поступления от богомольцев и метохов, находящихся в России, и положение славянских монастырей стало настолько бедственным, что даже самый богатый монастырь – Пантелеимон вынужден был продавать церковную утварь и книги из монастырской библиотеки. Прекращение этого источника содержания монастырей имело еще и то неблагоприятное для славянских насельников Афона последствие, что у греков исчез и этот мотив, сдерживавший их стремление к полной эллинизации Афона.

Особенно печальным для славянского монашества на Афоне фактом является постепенное и непрерывное уменьшение его численности, уменьшение, принявшее за последние годы катастрофический характер.

Это уменьшение является отчасти последствием тяжелого материального и правового положения славянских монастырей, созданного новым Уставом и другими мерами греческого правительства, отчасти политическими событиями в России, но главное значение здесь имеют специальные меры греческой власти, направленные к тому, чтобы всячески затруднить приток на Афон новых славянских насельников. Мы уже видели, что статья 6 нового Устава говорит, что «все поселившиеся на Святой Горе монахи рассматриваются как греческие подданные, к какой бы национальности они ни принадлежали». Смысл этой статьи заключается в том, что насельники Афона получают греческое подданство без всяких формальностей. Это видно из статьи 109 греческой Конституции, которая говорит: «Все те, которые живут по-монашески на Святой Горе, получают греческое подданство в то самое время, когда принимаются в послушники или монахи, без других формальностей». Между тем, как разрешение въезда на Афон, так и получение греческого подданства соединено фактически с такими затруднениями и формальностями, что принятие в славянские монастыри новых насельников почти невозможно. Для допущения на Афон негреков греки требуют разрешения греческого Министерства Иностранных Дел, а это разрешение редко давалось только сербам, и то после хлопот Сербской Патриархии. С еще большими затруднениями под предлогом болгарской схизмы давалось такое разрешение болгарам, а русским и совсем не давалось под предлогом опасности большевизма. Вследствие этого приток новых славянских насельников на Афон почти прекратился, а старые постепенно вымирали, и в результате славянские насельники Афона, составлявшие до Первой мировой войны большинство его населения, теперь составляют ничтожное меньшинство. В 1914 году русских монахов на Афоне было около 6 тысяч, через двадцать лет – в 1934 году – их число упало до полутора тысяч, а во время Второй мировой войны их число уменьшилось до 400–500, в большинстве своем больных и стариков. Сербских монахов в Хилендаре в 1914 году было 130, в 1934 году – 60, а из списка, приложенного к письму Хилендарской епитропии сербскому Священному Синоду от 6 апреля 1943 года (№ 64), видно, что в это время в Хилендаре оставалось только 35 монахов, «из которых половина старцы и больные». Но их число продолжало уменьшаться, почему в конце 1945 года епитропия Хилендаря обратилась к Сербскому Священному Синоду с настойчивой просьбой прислать в Хилендар новых монахов. Однако в Югославии нашлось лишь 7 монахов, пожелавших ехать на Афон.

Таким образом, недалеко от осуществления греческий план полной эллинизации Афона и изгнания с Афона всех славянских монахов. Заметим кстати, что

один греческий министр, некий Папа-Анастасиу, создал и более радикальный план реформы Святой Горы. А именно, по его проекту с Афона следует удалить вообще всех монахов и превратить его в громадный международный курорт с игорным притоном вроде Монако. С большим трудом греческим монахам удалось помешать осуществлению проекта предприимчивого министра.

Все же и в настоящее время пред всем православным миром остро стоит вопрос, сохранит ли Афон свое великое историческое значение духовного центра Православия и символа единства греко-славянского мира или в ближайшем будущем превратится в имеющую лишь местное значение группу греческих монастырей. Если Православные Церкви полагают, что второе решение афонского вопроса не отвечает интересам Православия и даже самого греческого народа, поскольку только в единении со славянством он может выполнить свое историческое назначение, то следует теперь же, пока еще не закончено политическое переустройство мира:

А) выработать конкретный проект относительно: а) будущего международного, б) междуцерковного положения Афона, в) его внутреннего гражданского, г) церковного устройства;

Б) принять меры к осуществлению этого проекта.

А) О проекте будущего положения и устройства Афона мы будем говорить только в общих чертах.

а) При решении вопроса о будущем международном положении Афона, которое бы отвечало интересам славянства и Православия, нужно прежде всего принять во внимание те, можно сказать, катастрофические последствия, которые имело для идейного значения Афона и для его славянского населения включение его в состав Греции. Рассматривая Афон лишь как часть своей территории, греки делали на нем все, что хотели, не обращая внимания на международные договоры. Отсюда следует, что нужно изменить международное положение Афона и что Афон должен быть признан субъектом международного права, подобно Ватикану или Триесту. И вот тут является вопрос, не следует ли теперь осуществить проект Лондонской Конференции 1913 года относительно провозглашения Афона как самостоятельной монашеской республики под протекторатом государств, в которых большинство населения принадлежит к Православной Церкви. В таком случае международное положение Афона было бы аналогично положению Ватикана по Латеранскому договору от 11 февраля 1929 года, действительность которого в конце 1946 года признало и нынешнее правительство Италии, причем роль Италии в отношении Афона играл бы кондоминиум упомянутых государств.

Попытку такой реформы делала русская дипломатия в 1914 году и вела об этом переговоры с Грецией, но Греция, восставшая против такого проекта еще в 1913 году, когда Афон еще не был ее территорией, еще более решительно высказалась против проекта после Бухарестского договора, включившего Афон в ее территорию. Тем более не примирится Греция с проектом теперь, так как проект лишил бы ее части ее территории, которой она владеет уже более тридцати лет.

Поэтому было бы целесообразнее поднять вопрос не об отделении от Греции территории Афона, а лишь о провозглашении экстерриториальности Афона, подобной экстерриториальности Ватикана до Латеранского договора по

итальянскому закону о гарантиях от 13 мая 1871 года. Такое положение Афона не лишало бы Грецию суверенитета над его территорией и вместе с тем дало бы Афонской монашеской республике внутреннюю самостоятельность, которую Греция до сих пор систематически нарушала, невзирая на Берлинский и Лозаннский договоры. И если международное право до сих пор признавало экстерриториальность центра католического мира – Ватикана, то было бы непоследовательно, если бы оно отказало в признании экстерриториальности центра мира православного – Афона.

б) Точно также должно быть изменено и междуцерковное положение Афона, так как вина в тяжелом положении негреческого монашества на Афоне падает не только на государственную, но и на церковную греческую власть. Отстаивая в других вопросах, например, в вопросе об автокефалии Польской Церкви, принцип обязательного совпадения церковных границ с государственными, греки сами нарушают этот принцип, подчиняя Афон в духовном отношении Константинопольскому патриарху, гражданину другого государства – Турции. Фактически в афонские дела вмешивается и Афинский Синод, но такая зависимость Афона от двух Высших Церковных Властей антиканонична, так как каноны не допускают такой двойной юрисдикции. Поэтому канонически было бы правильно, если бы Афон получил полную церковную самостоятельность, то есть автокефалию. Если автокефалию имеет один малый монастырь на Синайской Горе (см. Афинскую Синтагму том V, стр. 331–332, 503 прим. 520), тем более может получить такую же ограниченную автокефалию целая монашеская республика с более чем сотней монашеских поселений на Святой Горе. Для этого нужно лишь, чтобы один из игуменов афонских монастырей, например, Великой Лавры святого Афанасия, получил, подобно игумену Синайского монастыря, сан архиепископа.

в) Закон о гражданском устройстве Афона должен быть выработан и подтвержден конференцией представителей государств с православным населением – России, Грузии, Румынии, Сербии, Болгарии, Албании и, конечно, Греции, с участием представителей греческого и славянского афонского монашества. И теперь гражданское управление Афона очень несложно, и оно не станет сложнее и в будущем с тою лишь разницей, что в центре Афона – городке Карее – должны быть организованы не только административное управление Афона, но и гражданский суд, находящийся в настоящее время в Солуни.

В этом основном законе необходимо обеспечить свободу въезда на Афон православным паломникам и монахам всех национальностей, а также и свободу Афона от каких бы то ни было налогов в пользу Греции.

г) Внутреннее церковное устройство Афона должно быть согласно с принципом равноправия национальностей, так как, по завету Самого Основателя Церкви, в нее должны войти все народы (Мф. 28, 19) и, по апостольскому учению, в ней не должно быть различия между еллином и иудеем, варваром и скифом (Кол. 3, 11; Гал. 3, 28). Это начало равноправия национальностей должно быть проведено как в устройстве того монашеского собора, который будет выработать будущий Афонский Устав, так и в отдельных положениях этого Устава, в особенности касающихся устройства центрального афонского управления. Вместе с тем, новый Устав должен изменить феодальное устройство Афона, предоставлявшее право на землю только монастырям, и право это должно быть предоставлено всем монашеским организациям сообразно числу их

населенников, как бы они ни назывались – монастырь или скит, келлия или колива.

Несомненно, греческие монастыри будут против такой реформы, ссылаясь на каноны и свои старые права. Но несомненно и то, что нет таких канонов, которые бы противоречили апостольскому учению о равенстве в Церкви всех национальностей, а что касается старых «прав», не нужно забывать мудрых слов святителя Киприана Карфагенского, что «*Consuetudo sine Veritatis vetustas erroris est*» – «обычай без истины есть застарелое заблуждение» (Письмо к Помпею). Но чем дольше существует известное заблуждение, тем скорее нужно от него отказаться.

Б) В виду несомненного противодействия греков предлагаемой реформе устройства Афона, необходимо предпринять широкую и энергичную подготовку реформы. Инициативу в этом отношении должен бы взять на себя Всеславянский Комитет в Белграде, так как дело идет о защите от несправедливых и противозаконных притеснений граждан трех славянских государств – России, Сербии и Болгарии, а Всеславянский Комитет есть единственная организация, представляющая все славянские страны. С целью всесторонней подготовки реформы Афона Комитет мог бы организовать специальную комиссию. Так как вопрос о реформе устройства Афона имеет двойственный – церковный и политический – характер, то в комиссию, помимо представителей науки: канонистов и славистов, должны бы войти как представители трех славянских Церквей, имеющих свои монастыри на Афоне (то есть Русской, Сербской и Болгарской), так и представители дипломатии этих стран. Такой подготовительный комитет должен бы взять на себя следующие обязанности:

1) Собрать подробные и точные данные о современном положении Афона, для чего некоторым членам комиссии следовало бы в ближайшее время посетить Афон.

2) Выработать детальный и мотивированный проект будущего международного и междуцерковного положения Афона и его внутреннего гражданского и церковного устройства.

3) Так как, по своей идее, Афон должен быть достоянием всего православного мира, и на нем должны быть поселения не только греков и славян, но и православных других народностей – грузин, румын, албанцев и арабов, то развить широкую агитацию в пользу реформы Афона не только в России, Сербии и Болгарии, но и везде, где есть православное население.

4) Обеспечить содействие реформе Афона со стороны самого афонского славянского монашества. Это очень важная и вместе с тем нелегкая задача. История Лондонской и Бухарестской Конференций доказывает, что международные силы, решая судьбу Афона, принимают во внимание и желания самого афонского монашества, что, конечно, вполне естественно. Но та же история доказывает, что среди негреческого населения Афона иногда не хватает надлежащего понимания своих интересов и нет согласия и единства, а кроме того после введения нового афонского Устава негреческое население настолько потеряло надежду на защиту со стороны своих соплеменников, что не решился высказаться или что-либо предпринять против греческой гегемонии. Доказательством этого может служить хотя бы упомянутая попытка восстановления древнего Устава в Хилендаре. В 1932 году братство Хилендаря почти единогласно голосовало в пользу этого восстановления, но когда греки изгнали с Афона представителя Сербской Церкви и лишили Хилендар права участия в

центрального управлении, насельники Хилендаря убедились, что Сербская Церковь не может защитить их, и в 1934 году голосовали уже так, как хотели греки, то есть против восстановления древнего Устава. Задачу надлежащего осведомления негреческого населения Афона должны бы взять на себя те члены комиссии, которые отправились бы на Афон.

Нужно позаботиться и о том, чтобы негреческое население Афона не только хотело, но и могло оказать содействие реформе Афона. Мы уже видели, насколько малочисленным оно сделалось вследствие притеснений со стороны греков, и если бы вопрос о внутреннем устройстве Афона решался на Афоне теперь, славяне всегда оставались бы в меньшинстве. Поэтому вопрос о внутреннем устройстве Афона было бы целесообразнее поднять только тогда, когда будет обеспечена полная свобода поселения в нем монашествующим всех национальностей и когда численное преобладание греков будет устранено, а до того времени следовало бы ограничиться отменой Устава 1926 года и временным восстановлением порядка, существовавшего на Афоне до этого Устава.

5) Подготовить общую акцию дипломатии государств с православным населением в надлежащих международных инстанциях в пользу вышеуказанного международного положения Афона.

В том случае, если бы Всеславянский Комитет по каким-либо причинам не мог взять на себя инициативу организации такой комиссии, такую организацию могла бы взять на себя Московская Патриархия.

1947. I. 14

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ильински Г. Грамоты болгарских царей. Москва, 1911, № 3.

² Писания св. Саввы. Белград-Сремски Карловци, 1928, с. 171.

³ Соловьев А. В. История русского монашества на Афоне. Изд. Западного Русского Н. Института 1932, с. 137–156, и во французском переводе «Byzantion» 1933, с. 213–138 и отд.

⁴ Русский монастырь Святого Пантелеимона на период начала XX века насчитывал до шести тысяч насельников. В настоящее время число братий в Пантелеимоновом монастыре составляет около 50 монахов. – *Ред.*

⁵ См. Journal Officiel Лиги Наций 1924, X, с. 1344.

⁶ Греческий Энциклопедический Лексикон. Т. I, с. 411 - 440.

⁷ Там же, с. 431.

⁸ « Εσχημερίς Κοβερνησεως » η 309 от 16 сентября 1926 г., с. 16. Есть и отдельное издание Афонского Кинота, Святая Гора, 1931 г.